

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ДАРВИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО БИОСФЕРНОГО ЗАПОВЕДНИКА

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ ВЫПУСК 2 (38) 2022

6+

НОВОСТИ

НОВЫЙ РЕКОРД ДАЛЬНОСТИ МИГРАЦИИ ЛЕСНОГО НЕТОПЫРЯ ИЗ ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Миграции летучих мышей во многом плохо изученное явление, особенно за пределами Европы и Северной Америки. В первую очередь миграции рукокрылых попадают под внимание ученых из-за развития ветряной энергетики – большое количество животных ежегодно гибнет от ветряков, поэтому очень важно знать маршруты пролета летучих мышей.

Среди летучих мышей есть как дальние мигранты, так и ближние. Большинство рукокрылых летает на расстояние между зимовками и летними местобитаниями не более 450 км. Дальние мигранты могут преодолевать до 2000 км и более. В Европе это вечерницы, нетопыри и двухцветный кожан – частый обитатель загородных домов. Несколько лет назад было зарегистрировано рекордное расстояние миграции для лесного нетопыря (*Pipistrellus nathusii*) в 2224 км (Alcalde et al. 2021). Зверек был окольцован в Латвии в 2015 и пойман в Испании в 2017 году.

Перелет лесного нетопыря из Питейльяс (Испания) в Репе (Латвия) в 2015 году

Однако совсем недавно вышла статья (Vasenkov et al. 2022), авторы которой показывают, что это не предел. Годовалая самка лесного нетопыря была окольцована Д.А. Васеньковым и Н.В. Сидорчук недалеко от д. Борок (Дарвинский заповедник, Вологодская область) 25 июля 2009 года и спустя 63 дня, 25 сентября, обнаружена в городе Люлли во Французских Альпах на расстоянии 2486 км!

Перелет лесного нетопыря из Борка (Россия) в Люлли (Франция). Это максимальное расстояние перелета, зарегистрированное для летучих мышей в Европе

Нужно понимать, что летучие мыши не летают по прямой. По-видимому, они часто пользуются берегами крупных водоемов как ориентирами. Для этой самки нетопыря таким ориентиром мог быть берег Балтийского моря, в этом случае животное могло преодолеть около 3000 км.

Зимующие колонии лесных нетопырей известны также на Кавказе, что значительно ближе, однако до сих пор не известно летают ли туда животные из северной части ареала.

Окольцованный лесной нетопырь в августе 2021 года. Фото: Михаил Егоров

Стоит отметить, что все еще остается неясным почему и всегда ли рукокрылые выбирают такой «неоптимальный», длинный маршрут для миграции.

Работа по кольцеванию рукокрылых продолжается специалистами Дарвинского заповедника. Так, за последние несколько лет установлено, что окольцованные в заповеднике летучие мыши возвращаются на места своего рождения, то есть проявляют так называемую филопатрию. Это не удивительно, ведь в заповеднике хорошие условия для размножения и выведения потомства. Так

повторно были пойманы пять видов: водяная и прудовая вечерницы, рыжая вечерница, двухцветный кожан и лесной нетопырь. Остальные виды (ночница Брандта, малая вечерница, бурый ушан, северный кожанок) многочисленны и сами по себе редко попадают в сети, но скорее всего тоже возвращаются летом в заповедник после зимовки.

Олег Александрович Шапкин,
териолог, младший научный сотрудник
ФГБУ «Дарвинский природный
биосферный заповедник»

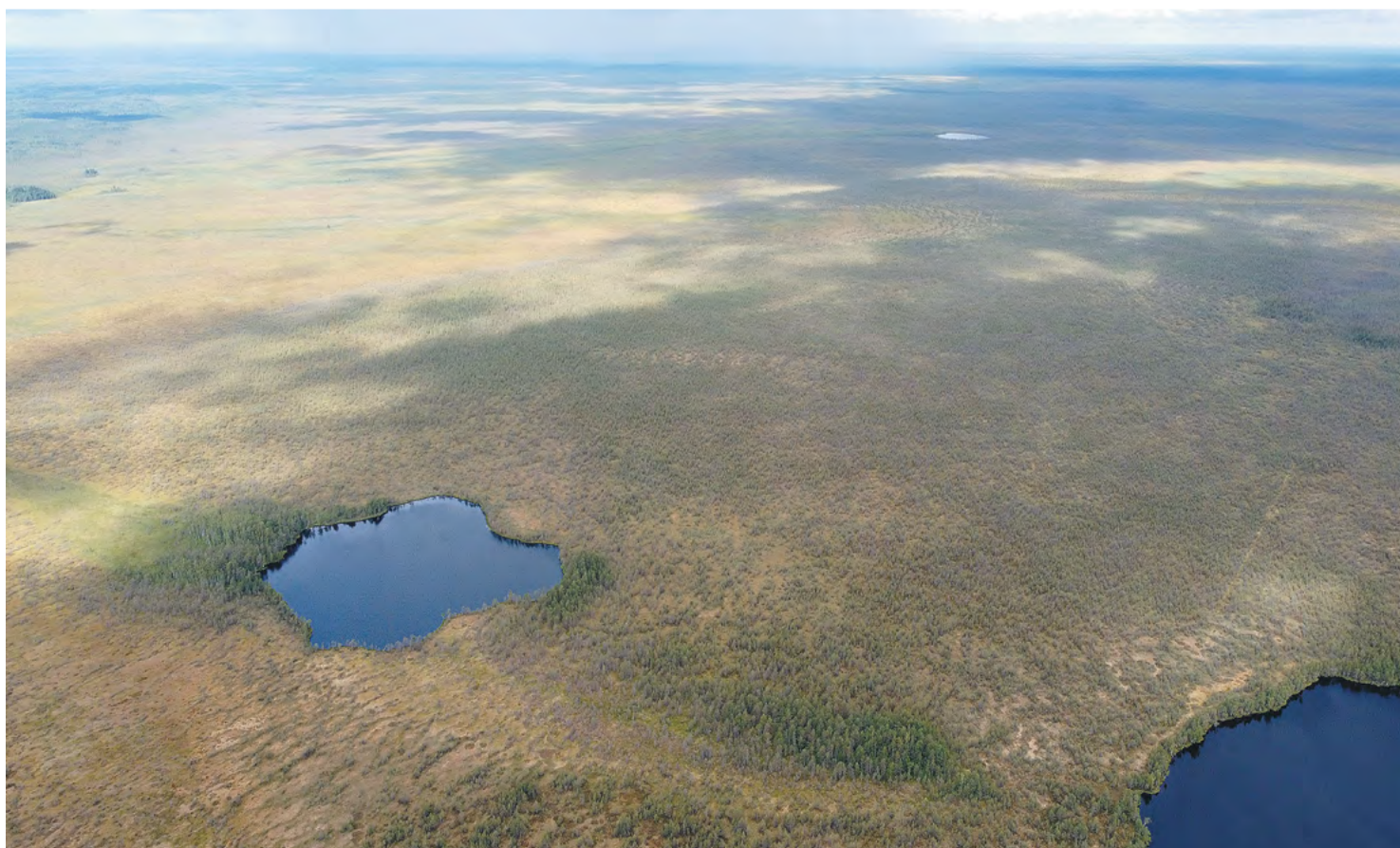
Источник: Vasenkov Denis, Desmet Jean-François, Popov Igor and Sidorchuk Natalia. «Bats can migrate farther than it was previously known: a new longest migration record by *Nathusius' pipistrelle* *Pipistrellus nathusii* (Chiroptera: Vespertilionidae)» *Mammalia*, vol., no., 2022. <https://doi.org/10.1515/mammalia-2021-0139>

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

ДАРВИНСКИЙ – В КЛИМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В 2022 году Дарвинский заповедник подключился к новому исследовательскому проекту «Микроорганизмы, экосистемы и климат: факторы формирования рецентных сообществ и реконструкция динамики окружающей среды и экосистем в голоцене». Проект был первоначально поддержан грантом Российского Научного Фонда в 2019 году, а с нынешнего лета было одобрено его продление до 2024 года.

В прошлом году коллеги из Московского государственного университета имели возможность близко познакомиться с дарвинскими болотами, посетив озеро Белое на центральном водоразделе. Бескрайние верховые торфяники – одна из визитных карточек Дарвинского заповедника. Для большинства особо охраняемых природных территорий Северо-Запада России заболоченные территории являются неотъемлемой частью ландшафтного комплекса, однако дарвинские по-особенному выделяются среди всех остальных. Причина тому – их длительная история развития, поистине необозримые размеры и практически непрерывное простираение от Рыбинского водохранилища на северо-запад, где они сливаются с Уломской болотной системой, продолжающейся вплоть до города Бабаево. Такие обширные болотные уголки не только питают многочисленные ручьи и реки региона, но и устанавливают своеобразные локальные климатические условия. Исследование этого свойства болотных экосистем Дарвинского заповедника является главной целью нового гран-

Величественные болотные равнины Дарвинского заповедника с высоты птичьего полёта

того проекта, а именно – определение степени влияния болотных систем в целом и отдельных их компонентов на климатические изменения в прошлом, настоящем и моделирование возможных будущих изменений.

Для выявления и объяснения прошлых и современных колебаний температуры, влажности и режима питания водно-болотных угодий биологами Московского университета будет исследовано разнообразие микроорганизмов, населяющих сфагновые мхи, и их захороненных в торфе остатков. Среди таких «вестников» климатических перемен – раковинные амёбы, инфузории и грибы-микромитцы. Структура микросообществ будет сопоставлена с общими экосистемными функциями болот, такими как микробный фотосинтез, дыхание, выделение и поглощение углерода. Запланированные исследования микроскопических обитателей сфагновых мхов и торфа находятся на самом переднем крае развития современной науки, т. к. устанавливаются новые подходы для оценки прошлых и грядущих климатических изменений, позволяя количественно оценивать потоки парниковых газов с учетом факторов структуры микросообществ, которые ранее не рассматривались при моделировании.

Со стороны Дарвинского заповедника за получение образцов торфа и их геохимический анализ отвечает научный сотрудник Дмитрий Олегович Садоков. В конце июня 2022 года были получены новые образцы колонок торфяных отложений, на большом болоте около деревни Борок. Современный растительный покров и структура торфяной залежи этого болота исследовались ранее В.П. Денисенковым и О.В. Галаниной. Наши исследования позволяют в значительной мере детализировать динамику заболачивания со времени возникновения торфяника и – самое главное – биосферное и климатическое значение этой болотной системы на протяжении всей её многотысячелетней эволюции.

Для реконструкции будущих изменений необходимо знать, как развивалась природная среда в обозримом прошлом, непосредственно связанном с сегодняшним днем. По исследованиям озера Хотавец, находящегося в двух километрах от места июньского бурения торфяника,

нам уже известно, что в Молого-Шекснинской низменности холодные приледниковые условия сменились теплым межледниковым климатом около 11,8 тысячи лет назад. В это время в бассейне р. Мологи тундровая растительность стала замещаться лесотундровыми и хвойными таёжными группировками, постепенно уступая обширные низменные пространства мелколистным породам и разнотравью. Крупное озеро, очертания которого сегодня повторяет Рыбинское водохранилище, претерпевало спад уровня воды, и окончательно было дренировано через Волгу около 10,7 тысячи лет назад, оставив после себя множество малых реликтовых озер и обширные заболочивающиеся переувлажненные пустоши. Наши палеоклиматические исследования впервые позволят составить для Молого-Шекснинской низменности модель колебаний древних температур и влажности. Эти результаты существенно дополняют имеющиеся реконструкции климатов прошлых времён, полученные по озёрным осадкам.

Кроме Дарвинского заповедника, исследования по гранту РНФ выполняются также на территориях заповедника Кивач, нацпарка Мещёра, Центрально-Лесного и Печоро-Ильчского заповедников, а также на отдельных участках водно-болотных угодий Мурманской области, Республик Карелия и Коми. На каждой из модельных ООПТ будет выполнен такой же развёрнутый комплекс работ, от определения видового разнообразия амёб до изучения возраста начала формирования торфяной залежи. Большое значение имеет расположение выбранных мест проведения работ. Район исследований охватывает диапазон от 55 до 69 градусов северной широты, то есть более 1500 километров. Благодаря такой протяженности трансекты и материалам из совершенно разных природных зон, от тундры до смешанных подтаёжных лесов, впервые для Европейской части России будут определена взаимосвязь микробных сообществ с экосистемными функциями болот, что необходимо для оценки нынешних и грядущих климатических изменений.

Дмитрий Олегович Садоков,
научный сотрудник ФГБУ «Дарвинский
государственный заповедник».

Фото автора

Сборный состав экспедиционной команды во время бурения торфа в заповеднике Кивач. Слева направо: Дмитрий Садоков (Дарвинский заповедник), Михаил Парамонов (биологический факультет МГУ), Станислав Кутенков (Лаборатория болотных экосистем Карельского научного центра РАН)

УНИКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Представляем нашим читателям нового сотрудника научного отдела Дарвинского заповедника – Веру Владимировну Тимофееву. Вера Владимировна по специальности ботаник, кандидат биологических наук. И это замечательно, что наряду с молодыми, только начинающими свою деятельность специалистами, заповедная система пополняется опытными и именитыми учеными. Впечатления о Дарвинском заповеднике и о первой полевой работе от первого лица в следующем материале.

Мое желание работать в Дарвинском заповеднике возникло удивительным и совершенно неожиданным для меня образом задолго до его посещения – на расстоянии 600 км от него, в глухой архангельской тайге. В конце лета 2021 г. я принимала участие в экспедиции Всемирного фонда дикой природы (World Wildlife Fund) на побережье Белого моря в Архангельской области. Цель исследований заключалась в сборе информации о природных комплексах района исследования и подготовке научного

обоснования для создания особо охраняемой природной территории (ООПТ) в окрестностях бывшей дер. Унежма. По стечению обстоятельств, вместо группы специалистов, в экспедиции оказались только два человека – я, эксперт по флоре сосудистых растений, и заместитель директора Дарвинского заповедника по научной работе Мирослав Вячеславович Бабушкин, орнитолог. Экспедиция была трудной: ежедневно мы преодолевали 20-километровые переходы через болотные массивы, непроходимые северные леса и разливающиеся

Прострел весенний.
Гербарный лист 1977 года

ся во время приливов Белого моря реки. От М.В. Бабушкина я впервые узнала, что Дарвинский заповедник – это уникальная территория, своеобразная «лаборатория под открытым небом», которая отличается от классических природоохранных объектов тем, что была искусственно создана после катастрофического по масштабу затопления части региона. В процессе полевых маршрутов, обсуждая наши научные интересы, мы с М.В. Бабушкиным пришли к выводу, что крайне актуально выяснить, какие виды сосудистых растений распространены сегодня в заповеднике, а также, каким образом изменилась флора под влиянием постоянно меняющегося уровня воды Рыбинского водохранилища в течение многих десятилетий.

Флора Дарвинского заповедника активно изучалась с 1946 г. – т. е. с первых лет его основания. Первую и детальную инвентаризацию флоры проводили высококвалифицированные ботаники, сотрудники заповедника Л.И. Самсонова, А.М. Леонтьев, Т.Н. Кутова и др. Позднее, в 1987 г., С.Ф. Немцевой, Н.Д. Немцевой был опубликован аннотированный список видов «Сосудистые растения Дарвинского заповедника» в серии «Флора и фауна заповедников». Сегодня в дер. Борок,

Венерин баумачок.
Гербарный лист 1947 года

Работа с гербарием Дарвинского заповедника

Гербарный шкаф

помимо летописей природы и многочисленных опубликованных материалов о растительном покрове заповедника, хранится обширный гербарий сосудистых растений – важный фактический материал, который позволит рассказать нам о том, какие изменения претерпела флора на протяжении более чем 80 лет со времени затопления низменного Молого-Шекснинского междуречья. По данным Н.Д. Немцевой (2004: <https://www.binran.ru/resources/current/herbaria/herbariums/10-detail.html>), гербарий был организован Л.И. Самсоновой в 1946–1948 гг. и позднее был дополнен образцами при последующей инвентаризации флоры в 1976–1979 гг. Объем коллекции сосудистых растений по состоянию на 2004 г. составлял 4309 экземпляров гербарных листов. Л.И. Самсонова внесла огромный вклад

в изучение флоры заповедника, хотя работала там только несколько лет – с 1946 по 1949 гг. Судя по качеству гербария, безошибочному определению и верификации образцов, а также сотрудничеству с ведущими флористами и систематиками СССР, Л.И. Самсонова была очень грамотным специалистом, профессионалом своего дела. Но, к сожалению, в существующих печатных изданиях и в поисковых системах сети Интернет нам не удалось найти никаких сведений об этом замечательном ученом, ее жизненном пути и профессиональных успехах вне работы в заповеднике. Пока, по неизвестным причинам, мы даже не знаем имя и отчество ученого Л.И. Самсоновой. В архивах заповедника информации о ней крайне мало, поэтому если кто-то владеет какой-либо информацией о биографии Л.И. Самсоновой, ее научной деятельности, сообщите, пожалуйста, в редакцию газеты «Остров спасения» на адрес электронной почты ekodarwin@mail.ru.

В мае-июне 2022 г. я впервые приехала на полевую работу в Дарвинский заповедник. В ходе натурных маршрутов, при поддержке коллег Т. Анфиногеновой, О. Шапкина и А. Комарова, нами частично была изучена территория д. Борок и окрестностей (ручей Крутец, остров Силон и озеро Хотавец). На о. Силон нами были подтверждены места произрастания охраняемого в регионе вида – зимолюбки зонтичной *Chimaphila umbellata*, которая, согласно гербарным сборам, была выявлена здесь Т.Н. Кутовой в 1955 г., т. е. 67 лет назад. Кроме того, более чем в 10 точках в сосновых лесах острова нами были зарегистрированы места произрастания другого вида, включенного в Красную книгу Вологодской области – подъяльника обыкновенного *Hyporhitis monotropa*. Особенностью подъяльника является то, что он лишен хлорофилла и поэтому для обывателя больше похож на необычный по форме гриб. В результате рекогносцировочного выезда по местам гнездования орлана-белохвоста, совместно с орнитологом М.В. Бабушкиным, мы обследовали флору отдельных участков побережья и островов до Мшичинского залива, кордона Бор-Тимонино, оз. Утешково и устье

р. Заблудашка. На одном из островов мы обнаружили популяцию «краснокнижного» вида из семейства Орхидные – лядьяна трехнадрезанного *Corallorhiza trifida*, а в окрестностях кордона Бор-Тимонино – несколько экземпляров прозанныка крапчатого *Trommsdorffia maculata*, который также охраняется в регионе.

Таким образом, первый выезд «в поля» и первичная оценка истории изучения флоры заповедника показали, что нам предстоит сложная, трудоемкая, но крайне интересная научная работа, позволяющая открывать новые законы природы, узнавать, как растения способны реагировать на трансформацию природной среды и изменять облик ландшафта в зависимости от изменения условий произрастания. Ровно через 76 лет после начала ботанических исследований (первые гербарные сборы были сделаны Л.И. Самсоновой и А.М. Леонтьевым и датируются маем 1946 г.) у нас есть возможность продолжить историю изучения флоры заповедника и охрану редких для региона видов сосудистых растений.

Вера Владимировна Тимофеева, ботаник, к.б.н., старший научный сотрудник ФГБУ «Дарвинский государственный заповедник» при участии Ольги Николаевны Ошевневой.

Фото автора

Подъяльник обыкновенный (*Hyporhitis monotropa*) – растение Красной книги Вологодской области

Лядьян трехнадрезный (*Corallorhiza trifida*) – один из видов северных орхидей

ПТИЦЕЙ ГОДА В 2022 ГОДУ ОБЪЯВЛЕН ДОМОВЫЙ ВОРОБЕЙ

БРАТЯ НАШИ МЕНЬШЕ

Самец и самочка домового воробья. Фото из свободных источников

Воробьи – это одни из первых птиц, с которыми мы знакомимся еще в раннем детстве. Они постоянно у нас на глазах, их веселое чириканье мы слышим практически круглый год. Радостно чирикают воробьи во время солнечных дней и оттепелей, в морозе они чирикают тише, но могут пошуметь, если найдут много корма. Случаются между ними и драки, тогда двое топорщат перья и насканивают друг на друга с яростным чириканьем. Лирично чирикают по весне самцы, стараясь привлечь к себе самочку. В общем, воробей – самая узнаваемая в народе птица: и по голосу, и по внешнему виду.

Хотя в нашей местности обитает всего два вида воробьев – домовый (ударение на второй слог) и полевой, к людям тяготеет как раз-таки домовый, или городской воробей.

Как выглядит воробей, знают все. Но у городских воробьев есть одна особенность – самцы и самки окрашены по-разному. У самца на голове красуется бурая шапочка с серым верхом, а на груди – черный нагрудник. Самка же имеет более скромный пестрый наряд. А вот самочка и самец полевого воробья по внешнему виду друг от друга не отличаются.

Воробьи – подвижные птицы, по земле постоянно передвигаются прыжками, отталкиваясь одновременно обеими ногами. Большую часть года держатся стайками. Вместе зимой теплее, безопаснее, веселее и даже подрались

можно. Драки у городских воробьев как правило происходят из-за споров за еду, за лучшее место для гнезда: укромное, теплое, безопасное.

Строят они свои шарообразные гнездышки в самых разных местах: под крышами, в вентиляционных отдушниках, развилках деревьев, дуплах и щелях, могут и скворечник занять и чужое гнездо присвоить. Могут селиться близко друг к другу, а где много соседей – там и споры, и ссоры. В общем, шумно! Гнездо строят с виду довольно большое, с высокими стенками, похожее на рыхлый шар. Строят из того, что могут найти – травы, ниток, мха, перьев, шерсти и т.д. Откладывают самки 4-5 яиц. Яички тоже «воробьиной» окраски: на сероватом фоне коричневые, серые и бурые пятнышки разбросаны. К откладке яиц обычно приступают уже в первой декаде апреля, 2 недели насиживают по очереди (самец днем подменяет самку), вылупившиеся птенчики находятся в гнезде 10-14 дней. Птенцов сначала выкармливают насекомыми, потом подрастающее потомство переходит на растительную пищу. Ведь взрослые птицы едят в основном зерно и семена различных трав. Стоит отметить, что за время выкармливания птенцов, воробьями уничтожается огромное количество насекомых, в том числе и насекомых-вредителей. Интересно, что и слетки, и даже вполне себе самостоятельная молодежь еще долго выпрашивают корм у родителей. Молодые птицы как бы приседают, несколько раскрывают крылья, задирают голову и широко открывают клюв. И конечно, требовательно чирикают: «Корми, корми!» Родители кормят, пока не приступают ко второму циклу размножения в июне. А молодежь сбивается в стайки, иногда по 40-50 птиц, и кочует по округе в поисках корма.

Взрослые городские воробьи рядом с человеком стали относительно всеядными пти-

цами, помимо зерна и семян трав, они клюют почки, мякоть плодов, ягоды и питаются пищевыми отходами человека. Наличие легкодоступной пищи в виде мусора и отходов заставило воробьев в свое время стать спутниками человека. Городские, или домовые воробьи, встречаются практически во всех городах Европы и Азии, даже за полярным кругом. Живущие на севере птицы могут совершать кочевки на юг, но всегда придерживаются населенных пунктов, где для них есть и стол, и дом, и укрытие.

Хотя городские воробьи широко распространены, ученые во всем мире отмечают, что их численность неуклонно снижается. Для привлечения внимания к этой проблеме домовый воробей объявлен Птицей 2022 года. Есть несколько причин и гипотез, почему птиц этого вида становится все меньше.

Еще в прошлом веке количество воробьев уменьшилось потому, что из населенных пунктов исчезли лошади. Воробьи в то время прекрасно питались овсом, который подбিরали из лошадиных кормушек, а также из лошадиного помета, усыпавшего улицы городов.

Основная же причина «воробьиных проблем», по мнению многих исследователей – это благоустройство городов. Изменение городского ландшафта ради удобства людей влечет за собой ухудшение качества местобитаний птиц и, как следствие, уменьшение кормовой базы, необходимой для выживания. Постоянное выкашивание лужаек и газонов приводит к снижению численности насекомых, поэтому воробьям чрезвычайно сложно набрать достаточное количество корма для птенцов. Плюс ко всему из-за раннего кошения травы созревшие семена не происходят, соответственно взрослые воробьи так же лишаются корма.

Современная городская архитектура тоже плохо подходит для обустройства гнезд воробьев. Чтобы высиживать кладку и выкормить

птенцов пара воробьев нуждается в надежном закрытом убежище. В домах старой застройки таких убежищ всегда было вдоволь. Воробьи устраивали гнезда под застрехами крыш, за наличниками окон, в щелях между бетонными панелями, в вентиляционных отверстиях и тому подобных местах. Современные городские здания лишены таких «удобств», поэтому поиски подходящих для гнездования укрытий становятся действительно очень непростым делом.

Недавно стала известна еще одна возможная причина резкого уменьшения численности домовых воробьев. В клетках крови многих видов птиц живут паразиты – плазмодии малярии. Они весьма губительны для пораженных ими птиц. Стоит отметить, что это совсем не та малярия, которой болеют люди!

Даже уменьшаясь в численности, воробьи конечно совсем уж не оставят населенные пункты, но помочь нашим пернатым соседям мы в силах. Для воробьев нужны густые кусты, где удобно и спрятаться, и поклевать почки с ягодами. Воробьям, да и другим птицам города нужны зарастающие газоны, с разными травами, семенами которых летом и осенью они кормятся. Так же для птиц нужны домики-гнездовья, которые вполне можно разместить в парках и скверах.

Статья создана по материалам из свободных источников

Воробьи очень заботливые родители. Фото из свободных источников

ПОЧЕМУ В ЭТОМ ГОДУ У НАС МНОГО СОВ?

Весна и начало лета нынешнего года отличаются тем, что на дачах и в пригородах люди нередко встречаются с сов, находят гнёзда с совятами и одиночных птенцов, сидящих на ветках деревьев или даже просто на земле. Нам приходят сообщения о находках совиных гнёзд с птенцами, нередко стали встречи совят, сидящих поодиночке в кронах деревьев. Причем встречи эти происходят в непосредственной близости к человеческому жилью – на дачах, и в пригородной зоне, поэтому народ интересуется, с чем связано увеличение численности сов, откуда они взялись.

Для начала надо понять, кто такие совы, каковы особенности этой очень интересной группы птиц. Об особенностях строения и жизни сов я расскажу в следующий раз, а сейчас попробую объяснить, почему вдруг сов стало больше и откуда они у нас взялись.

Конечно же, все знают, что совы – это птицы, ведущие ночной и сумеречный образ жизни. Все они хищники, добывающие различных животных. В рационе разных видов сов могут быть как мелкие млекопитающие, типа мышей и полёвок, так и птицы, а также рептилии и амфибии.

Самая крупная из наших сов – филин, способен ловить зайцев и молодых лис, ежей, ондатр. Охотится филин и на птиц, даже таких крупных, как тетерева и глухари. А вот другие виды сов предпочитают охотиться в основном на мелких млекопитающих: мышей, полёвок и землероек. Особенно велика доля мелких млекопитающих в питании ушастой и болотной сов, мохноногова сыча и воробьиного сычика. Эти совы, конечно же, при случае, не упустят и птиц. Ушастая и болотная совы могут поймать и голубя и сороку, хотя делают это не часто. Встречаются в их питании дрозды, скворцы, зяблики, овсянки, трясогузки и другие воробьиные птицы. Но всё же основа их рациона – это в первую очередь серые полёвки, обитающие на полях, лугах и берегах водоемов, и лесные рыжие полёвки, которых они могут добывать на опушках и лесных полянах. Полёвки и другие мелкие млекопитающие – достаточно обильная и доступная для ночных охотников добыча. В отличие от большинства птиц, которые в ночное время прячутся и спят, мелкие зверьки ночью активны. По ночам они бегают, кормятся, проявляют себя различными звуками, а потому становятся добычей ночных охотников.

Но у тех видов сов, которые специализируются на добыче мелких зверьков, есть одна весьма существенная проблема. Дело в том, что численность грызунов испытывает сильные колебания по годам. Годы низкой численности могут довольно быстро сменяться годами обилия грызунов, когда их количество возрастает многократно. То есть численность их циклична, а периоды наиболее высокой численности происходят раз в 3-4 года. Как было сказано выше, существуют две группы полёвок: серые полёвки, живущие в открытых угодьях, на лугах, окраинах полей и по берегам водоемов, и рыжие, или лесные полёвки, живущие в лесу. Чаще всего, пики численности серых и рыжих полёвок не совпадают. Но в этом году произошло наложение пика численности серых и рыжих полёвок, то есть грызунов оказалось очень много и в лесных и в открытых угодьях.

В условиях неравномерного распределения ресурсов (то густо, то пусто), их потребители, то есть хищники, вынуждены приспособливаться к постоянным колебаниям кормовой базы.

И здесь мы видим принципиальную разницу между четвероногими и пернатыми хищниками, в нашем случае совами. Как реагируют на обилие грызунов хищные млекопитающие: лисы, песцы, горностаи, ласки, хорь? В годы обилия пищи у них увеличивается количество детенышей в выводках, то есть хищников становится больше. Но на следующий год, при ухудшении состояния кормовой базы, количество грызунов уменьшается, размножившиеся хищники голодают и часть их может погибнуть от недостатка корма.

Иными словами, снижение численности популяции хищных млекопитающих в период депрессии ресурса происходит за счет выми-

Бородатая неясыть. Фото В. Шищенко, СПб

Птенец ястребиной совы. Фото О. Демина

Воробьиный сычик. Фото В. Шищенко, СПб

Птенец ушастой совы на земле. Фото А. Кузнецов

Птенец ушастой совы. Фото О. Демина

рания части популяции. При этом некоторые из них могут попытаться покинуть «депрессивный район», откочевать в другое место. Но ухудшение кормовой ситуации зачастую охватывает огромные площади и уйти за её пределы четвероногие хищники не в состоянии.

Иное дело птицы. Они способны быстро и эффективно перемещаться в пространстве, преодолевая за сутки многие сотни километров. Поэтому на ухудшение кормовой ситуации пернатые, в частности совы, отвечают не вымиранием части популяции, как хищные звери, а перемещением внутри своего ареала. И если у четвероногих увеличение численности в ответ на рост кормовой базы происходит с некоторым запаздыванием, когда максимум наблюдается после прохождения пиковой численности видов-жертв, то птицы реагируют более оперативно, их количество возрастает синхронно с увеличением численности добычи. Размножились в каком-то районе грызуны – в тот же год весной здесь увеличивается численность болотной и ушастой сов.

Но как же они узнают об обилии полёвок? Дело в том, что совы, да и некоторые дневные хищные птицы, возвращаясь ранней весной с зимовки, не летят напрямик к тому месту, где они гнездились в предыдущем году, а кочуют в поисках мест обилия добычи, так называемых «кормовых пятен». Найдя такое место, они останавливаются здесь для гнездования. А живущие здесь люди наблюдают резкое увеличение численности сов, взявшихся неизвестно откуда. Но так ведут себя не все совы, а лишь те, для которых важнейшим условием гнездования на конкретной территории является обилие полёвок.

В первую очередь это болотная и ушастая совы. Их появление и высокая численность

– прекрасный индикатор обилия грызунов в текущем году. Именно этих сов в первую очередь и встречают люди вблизи дач и приусадебных участков.

Здесь надо заметить, что совы сами гнёзда не строят. Ушастая сова предпочитает занимать старые гнёзда ворон или сорок, а болотная гнездится прямо на земле среди травы, устраивая, правда, некоторое подобие гнезда из небрежно уложенных травинков.

Птенцы сов покидают гнёзда ещё не умея летать. Так, птенцы ушастой совы разбредаются по ветвям в кроне гнездового дерева, иногда перепархивая на соседние деревья, и весь день тихо сидят, спрятавшись среди ветвей. С наступлением ночи они начинают подавать голос, на который ориентируются родители, продолжающие кормить своих отпрысков. По голосу взрослые совы находят своих птенцов и приносят каждому из них корм. Совята всю ночь работают как звуковые буйки, обозначая криком свое местоположение, причём громче всех кричит самый голодный птенец, который первым и получает свою порцию корма. Получив корм, птенец на какое-то время замолкает, а громче начинает кричать очередной проголодавшийся.

У гнездящейся на земле болотной совы птенцы тоже покидают гнездо задолго до того, как поднимутся на крыло. Днём они прячутся в куртинах травы, в кустарнике, а в сумерки начинают подавать голос, обозначая родителям свое местоположение.

Ни кормить, ни брать домой найденных совят не нужно! Они не остались сиротами, нуждающимися в кормлении и уходе. В течение ночи к ним обязательно прилетит папа или мама и накормит каждого из них.

Андрей Вячеславович Кузнецов,
к.б.н., орнитолог, ведущий научный
сотрудник ФГБУ «Дарвинский
государственный заповедник»

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ОЛИГЕР – ЛЕГЕНДА ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Как ходить по болотам, если нет резиновых сапог? Если нет резиновых сапог, то по болотам можно ходить... в лаптях!

Буханка хлеба на неделю, но за этой буханкой надо ещё отмахать на веслах 25 километров в одну сторону и столько же обратно!

Прожить без малого 103 года, при этом до самого преклонного возраста каждый день делать зарядку, каждый день с весны до осени купаться в открытом водоёме, а зимой проходить не один десяток километров на лыжах!

Всё это об одном человеке – участнике и ветеране Великой Отечественной войны, награжденном боевыми наградами – Иване Михайловиче Олигере.

онучами, плотно обвязанными шнурком. Таких же шнурком привязывались к ноге и лапти. Обувь эта, конечно же промокала, но как рассказывал мне Иван Михайлович, вода как попадала в лапти, так и вытекала из них. Да, нога была постоянно мокрая, но ходить было не тяжело. Отголоски этой традиции я встретил в заповеднике ещё в 1975 году, когда приехал в Борк студентом второго курса. В один из своих первых выходов в лес я встретил очень интересного человека, бывшего главного лесничего заповедника, Льва Николаевича Куражковского. Было самое начало мая. Только недавно сошёл снег, в лесу было полно луж и весенних ручьев. На мне были болотные сапоги, легкий свитер и штормовка. А вот Лев Николаевич был одет в рабочую фуфайку, какие-то легкие брюки неопределенного цвета, на голове у него красовалась кепочка-шестилетка с козырьком, в руках было фоторужье, состоящее из фотоаппарата «Зенит» с телеобъективом МТО. Но в полное изумление меня повергла его обувь, ибо обут он был в кеды без носков, на голую ногу! Когда мы познакомились, то на мой удивленный вопрос,

ясь до самых отдаленных его участков, проводя учёты тетеревиных птиц, журавлей, чакч, крачек, куликов и других птиц.

В заповедник он приехал с женой и двумя детьми, дочерьми Мариной и Татьяной, а сын Алексей родился уже в Борке. Собрав необходимый научный материал, Иван Михайлович в 1951 году защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию по паразитофауне тетеревиных птиц. Несмотря на то, что по своей узкой специальности И.М. Олигер был паразитологом, на самом деле он был специалистом-зоологом очень широкого профиля. В Дарвинском заповеднике, помимо изучения паразитов тетеревиных птиц, он проводил большой объем орнитологических наблюдений. После завершения работы в заповеднике, уже в Чувашии, он занимался фауной беспозвоночных животных, в частности насекомых, не оставляя изучения экологии птиц и зверей. А его «Определитель позвоночных животных», выдержавший несколько изданий, знаком каждому, кто учился на биологических факультетах педагогических вузов и университетов.

Иван Михайлович до конца своих дней сохранял ясность мысли, трезвый, критический и очень острый ум, а его великолепная память вызывала восхищение всех, кто его знал. Часами он мог читать наизусть рассказы Михаила Зощенко и Гэффи! Причем даже в самых смешных местах, когда слушатели буквально покачивались со смеху, он оставался подчеркнуто суховато-спокойным, не допуская на лице даже тени улыбки. Лишь где-то в самых уголках глаз таились легкие искорки-смешинки, не проявляясь, однако, ни в мимике, ни в голосе. Вот эта феноменальная память и бережное отношение к своему эпистолярному архиву и позволили И.М. Олигеру в весьма преклонном возрасте написать замечательные воспоминания о своих современниках-зоологах. И если первый вариант, «Славная восьмерка», увидел свет в 2005 году, когда автору было 95 лет, то окончательный, озаглавленный им «Славная десятка. Мои друзья-зоологи», был издан в год столетнего юбилея автора, в 2010 году!

Именно из воспоминаний Ивана Михайловича я узнал о том, что в 1947 году в Дарвинском заповеднике бывал Александр Николаевич Формозов, вместе с женой В.И. Осмоловской, приезжавший на весеннюю охоту в соседнее с заповедником охотничье хозяйство. А также о том, что первый директор заповедника И.К. Андреев, был зоологом, одним из учеников А.Н. Формозова, охотником и отличным стрелком.

Интересные факты в воспоминаниях И.М. Олигера содержатся и об Александре Александровиче Шигине, впоследствии известном паразитологе, докторе биологических наук, а в 1949 году студенте Горьковского университета, изучавшем в Дарвинском заповеднике паразитов серой цапли. Он приезжал в заповедник к прилету цапель, то есть в апреле. Поселялся в полуразрушенном сарае в устье реки Забудашки, неподалеку от крупной колонии цапель, и жил там всё лето один до вылета птенцов из гнёзд! Продукты доставлялись ему нерегулярно, не чаще одного раза в две недели. Мне крайне трудно представить современному студенту, способному на подобный подвиг ради науки! Впоследствии А.А. Шигин стал научным сотрудником заповедника, а потом перешёл на работу в Москву, в ГЕЛАН (Гельминтологическая лаборатория АН СССР), где защитил сразу докторскую диссертацию. Работал он там до 2000 года, скончался в 2002 году.

В воспоминаниях И.М. Олигера имеются и воспоминания о Вячеславе Васильевиче Немцеве.

Ивана Михайловича с Вячеславом Васильевичем связывали дружеские отношения, возникшие с первых же дней их знакомства. Оба

В профессиональном плане И.М. Олигер был специалистом-зоологом очень широкого профиля. Он читал великолепные лекции, был автором многих научных статей и книг, воспитал не одно поколение биологов и экологов, долгие годы заведовал кафедрой зоологии в Чувашском государственном педагогическом институте, провёл масштабные исследования по изучению животного мира Чувашии.

А ещё с 1946 по 1951 год он работал в Дарвинском заповеднике. Иван Михайлович Олигер – первый зоолог и вообще первый научный сотрудник, принятый на работу в только что организованный Дарвинский заповедник в далёком 1946 году. Биография Ивана Михайловича хорошо известна, статья о нём есть в Википедии. Поэтому общеизвестные факты его биографии подробно рассматривать я не буду, хотя кратко сказать о жизненном пути этого интересного человека, которого мне повезло знать лично, всё же постараюсь. Поэтому более подробно расскажу о малоизвестных фактах и событиях жизни И.М. Олигера в Дарвинском заповеднике и о встречах с ним, когда он приезжал в заповедник в 90-е годы прошлого века.

Иван Михайлович родился 8 сентября 1909 года в Нижнем Новгороде, в интеллигентной семье. С детства увлекался природой, с ранней юности был заядлым охотником. В 1939 году окончил Ленинградский государственный университет. Будучи ещё студентом, он начал заниматься научными исследованиями под руководством профессора В.А. Догеля. Валентин Александрович Догель был выдающимся отечественным зоологом, профессором ЛГУ, членом-корреспондентом АН СССР, специалистом по беспозвоночным животным, большое внимание уделявшим паразитологии. Именно это направление он предложил развивать своему талантливому студенту. Учитывая склонность И.М. Олигера к охоте, В.А. Догель предложил ему исследование паразитофауны тетеревиных птиц, которая на тот момент была почти совершенно не известна. Выполнить такую работу мог только охотник, поскольку для изучения паразитов требовалось добывать и вскрывать довольно большое количество птиц. Ещё в студенческие годы Иван Олигер познакомился со многими выдающимися зоологами. Два сезона он работал совместно с профессором А.Н. Формозовым на его стационаре в Понзыревском районе Горьковской, а ныне Костромской области, где собирал материал по паразитофауне рябчика. В Астраханском заповеднике, также ещё студентом, он изучал паразитов серого гуся, а по окончании университета в Крымском заповеднике – паразитов оленей, где и познакомился с И.К. Андреевым, в дальнейшем первым директором Дарвинского заповедника. В мае 1940 года Иван Михайлович начал работать научным сотрудником в Мордовском государственном заповеднике, продолжая изучение паразитофауны тетеревиных птиц.

Научную работу прервала Великая Отечественная война. С 1942 по 1945 год И.М. Олигер воевал на Калининском, 1-м Прибалтийском и 2-м Дальневосточном фронтах, закончив службу на Дальнем Востоке, после победы в войне с Японией. Его боевой путь отмечен целым рядом наград, в том числе и орденом Красной Звезды, который получали только войны, отличившиеся в реальной боевой обстановке.

Вернувшись после войны в Москву, молодой специалист вновь встретился с известным зоологом, профессором А.Н. Формозовым, хорошо известным любителем природы как автор много раз переиздававшегося «Спутника следопыта» и небольшой повести «Шесть дней в лесах», а в среде специалистов – своими глубокими исследованиями по экологии позвоночных животных. Александр Николаевич помог И.М. Олигеру устроиться в только что организованный Дарвинский заповедник, где директором был его ученик, Илья Константинович Андреев, старый знакомый Ивана Михайловича, тоже зоолог, охотник и отличный

стрелок, который проводил когда-то научный отстрел оленей в Крыму, где И.М. Олигер изучал паразитов у добытых оленей.

Так Иван Михайлович начал работу в Дарвинском заповеднике, где он продолжил свои исследования по изучению паразитов тетеревиных птиц. Будучи на первых порах единственным научным сотрудником нового заповедника, молодой зоолог развернул широкое изучение местной фауны, в первую очередь птиц. Совместно с приехавшим в заповедник известным зоологом Евгением Павловичем Спангенбергом была подготовлена первая статья о птицах заповедника «Орнитологические исследования в Дарвинском заповеднике в 1946 и 1947 годах», опубликованная в Москве в 1949 году. Условия жизни того времени в деревне Борк, где располагается центральная усадьба заповедника, современному человеку трудно представить. Электричества не было, освещались жилые и служебные помещения керосиновыми лампами и свечами, отопление, естественно, было печным. Автомобильной дороги, которая сейчас связывает Борк с Череповцом, тоже не было. Единственным доступным транспортом был водный – гребные и парусные лодки, на которых, преодолев по затопленному руслу Мологи 25 километров, можно было дойти до города Вёсёгонска. Там была железная дорога до Москвы, а также кое-какие магазины и продовольственный рынок.

Иван Михайлович рассказывал мне, что один раз в неделю, обычно в субботу или воскресенье, он брал большую дощатую гребную лодку и грёб на ней в Вёсёгонск. Там на рынке покупал одну (!) буханку хлеба и вёз её домой, в Борк. И всю неделю семья ела этот хлеб, отрезая каждый день по небольшому кусочку. Приходилось обеспечивать себя продуктами, для чего сотрудники выращивали на огородах картофель и другие овощи, содержали кур, поросят и коров, а также охотились за пределами заповедника. Благо водоплавающих в то время было много, и хорошие охотники заготавливали солонину из утиных бочками. Если удавалось получить лодку, сами что-то пекли. Со временем в Борке построили пекарню, но в первые годы становления заповедника, когда работал Иван Михайлович, её ещё не было.

Большие трудности были связаны с отсутствием необходимой обуви. Территория Дарвинского заповедника на 70 процентов заболочена. В основном это верховые болота, заболоченные леса и зона временного затопления, которая, по сути, тоже большое болото. А из обуви в то время у населения были только кирзовые сапоги. Ну, были конечно, сапоги выходные, яловые или хромовые, но при длительной ходьбе по воде, они, так же как и кирзовые, промокали. К тому же были они короткими, до колена, что совершенно недостаточно для наших лесов и болот.

Иван Михайлович с помощью местных умельцев нашёл выход из этой ситуации, который наверняка ему местные мужики и подсказали. Дело в том, что в то время в деревнях ещё умели плести лапти. К тому же, местные жители каждую осень ходили на болота за клоквой. Этот промысел был известен здесь издавна и клокву на болотах заготавливали мешками. А ходили по болотам в лаптях! Ногу обматывали

Швербот «Риск». У мачты стоит В.В. Немцев, отталкивает судно от причала И.М. Олигер. Фото из фотоархива Дарвинского заповедника

Лев Николаевич сказал, что сапоги ему не нужны, ходить в кедах легко и свободно, попавшая вода тут же вытекает, а ноги у него холода не боятся. Он также поведал, что раньше здесь всегда ходили по лесу и по болотам в лаптях, ну а сейчас, за неимением оных, он ходит в обычных кедах.

Так вот, Иван Михайлович Олигер, приступив к работе научного сотрудника, в лаптях обошёл почти весь заповедник, добира-

И.М. Олигер на шверботе «Риск». Фото из фотоархива Дарвинского заповедника

В.В. Немцев, И.М. Олигер, А.В. Кузнецов, И.А. Рыбникова на причале заповедника. 1992 год. Фото автора

они были фронтовиками, оба были охотниками и влюбленными в природу зоологами. Моторных лодок в то время не было, все поездки сотрудники совершали на гребных лодках. Для облегчения передвижения по воде администрация заповедника приобрела небольшую парусную лодку, швербот «Риск». Он имел вооружение бермудского шлюпа, то есть одну мачту и два треугольных паруса, грот и стак-

сель. Парусное судно должно обладать способностью противостоять боковому дрейфу на острых и боковых курсах. У килевых яхт это обеспечивает утяжеленный балластом киль, а у шверботов – выдвинутой шверт, расположенный в специальном швертовом колодце. За счет тяжелого киля килевую яхту практически невозможно положить на борт даже сильному порыву ветра. А шверботы такой устойчивостью

не обладают и при штормовой погоде поездка на них может быть весьма опасна. Да и название у судна было соответствующее, недаром моряки говорят, как судно назовешь, так оно и поплывёт. Так что неудивительно, что однажды швербот «Риск», на котором отправились в плавание И.М. Олигер и В.В. Немцев, перевернулся. На боковом курсе порыв ветра положил швербот на бок, испугав зоологов-яхтсменов. К счастью, все закончилось благополучно, а до нас дошли фотографии молодых зоологов заповедника на шверботе «Риск».

Секрет выдающегося долголетия Ивана Михайловича заключался не только в его хорошем от природы здоровье, но и в здоровом образе жизни. В молодости он активно занимался спортом, был чемпионом Ленинградской области 1939 года по лыжным гонкам. Приезжая в Дарвинский заповедник уже в весьма преклонном возрасте, фактически на девятом десятке, Иван Михайлович каждый день в любую погоду рано утром купался в водохранилище. А ежедневную зарядку по утрам он делал всю жизнь, до самой глубокой старости!

Иван Михайлович прожил долгую, интересную жизнь. Практически ежегодно он ездил в летние экспедиции по нашей огромной стране, в которые всегда брал своих детей.

Все трое его детей стали биологами, все они защитили кандидатские диссертации и внесли значительный

вклад в науку и заповедное дело. Старшая, Марина Ивановна, занималась сельскохозяйственной энтомологией, а двое младших, Татьяна и Алексей, связали свою жизнь с заповедниками. Татьяна Ивановна работала научным сотрудником-зоологом в Лазовском заповеднике на Дальнем Востоке и в Нижне-Свирском заповеднике в Ленинградской области. А Алексей Иванович был заместителем директора по науке в Алтайском заповеднике, а затем первым директором заповедника Присурский в Чувашии.

Андрей Вячеславович Кузнецов,
к.б.н., орнитолог, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Дарвинский государственный заповедник»

И.М. Олигер с семьей сына Алексея Ивановича. 1987 г.

СТУДЕНТЫ СПБГУ В ЗОНЕ ВРЕМЕННОГО ЗАТОПЛЕНИЯ

С 4 по 11 июля 2022 года в заповеднике проходили производственную практику студенты трех образовательных программ Санкт-Петербургского государственного университета: «Биология», магистратура – Кэтрин Балог, «География», бакалавриат – Елизавета Короткая и «Полярные и морские исследования (ПОМОР)», магистратура – Ryan Martin Kelly под руководством доцента Ольги Владимировны Галаниной.

Группа работала в районе острова Демидиха, где прокладывала геоботанический профиль от западной окраинной части острова через зону временного затопления (ЗВЗ) в направлении смотровой вышки, находящейся на экологической тропе, расположенной на противоположном берегу небольшого залива.

6 июля высота стояния воды у восточного края острова Демидиха в ивняке составила 30 см и далее по профилю она колебалась от 29-33 до 55-58 см, достигнув 79 см на площадке 9 неподалеку от уреза воды мелководного залива. Непосредственно у смотровой вышки 10 июля была сделана попытка измерить уровень воды зоны временного затопления, он составил 133 см. Был собран справочный гербарий прибрежно-водных растений.

Одновременно 5 июля Дмитрий Садоков и Алексей Дедаев выполняли изучение четвертичных отложений острова Демидиха методом шнекового бурения.

Из интересных ботанических находок отметим присутствие зимлоубки зонтичной (*Chimaphila umbellata*), лобки двулистной (*Platanthera bifolia*), тимьяна ползучего (*Thymus serpyllum*).

Студенты, оценив экологические условия произрастания растений в зоне временного затопления и пронаблюдав формирование низинных пойменных болот, совершили полевой выход в сторону юго-западной окраинной части болота «Большой мох». Они познакомились с зоной контакта лесных и болотных сообществ и происходящими здесь динамическими процессами, которые определенно усиливаются под влиянием колебания уровня Рыбинского водохранилища.

В учебных целях для сравнения с растительностью зоны затопления были выполнены геоботанические описания березово-соснового осоково-пушицево-сфагнового сообщества в экотонной полосе и сосново-пушицево-кустарничкового-сфагнового сообщества на верховом болоте. Проводились флористические наблюдения: студенты закрепляли на практике теоретические знания, полученные на занятиях в течение года, и отмечали во флористических бланках растения, которые были встречены по время полевых выходов.

Нам посчастливилось увидеть торфяные острова в акватории Рыбинского моря! Сердечно благодарим сотрудников Дарвинского заповедника за теплый прием, радушие, всестороннюю помощь, а также Андрея Вячеславовича Кузнецова за увлекательную экскурсию по музею природы.

Ольга Владимировна Галанина,
доцент Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета.

Фото автора

Команда исследователей

Работа на профиле в зоне временного затопления

Тимьян ползучий

Зимлоубка зонтичная (*Chimaphila umbellata*) – многолетнее зимнезеленое растение

Смотровая вышка – это не только туристический объект на новой экологической тропе, но теперь еще и полевой стационар

Профиль состоял из 9 пробных площадок размером 20x20 м, три из которых были заложены на самом острове Демидиха в осиннике вейниковом, а остальные шесть – непосредственно в зоне временного затопления. Геоботанические описания были сделаны в зарослях редкотравного ивняка, гидрофитно-камышовом, хвощово-камышовом, гидрофитно-травяно-хвощовом и камышовом сообществах, а также в омежниково-горцевом сообществе, за которым уже следовал пояс гидатофитов.

НАШИ ДРУЗЬЯ

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА. ЗА КАДРОМ

Съемочную группу и авторов программы «Заметки натуралиста» телекомпании «Канал 12» г. Череповца сложно назвать просто друзьями Дарвинского заповедника. Они часть заповедной команды, они заповедные медиа-волонтеры, которые показывают миру, как и чем живет заповедник. Практически каждая программа – это выход в «поле», в те реальные условия, в которых работают сотрудники заповедника. Что стоит за красивой картинкой, которой восхищаются зрители, знают только те, кто эту картинку снимал. В этом номере газеты автор и ведущая «Заметок натуралиста» Вера Кучеренко расскажет о том, что прячется за кадром.

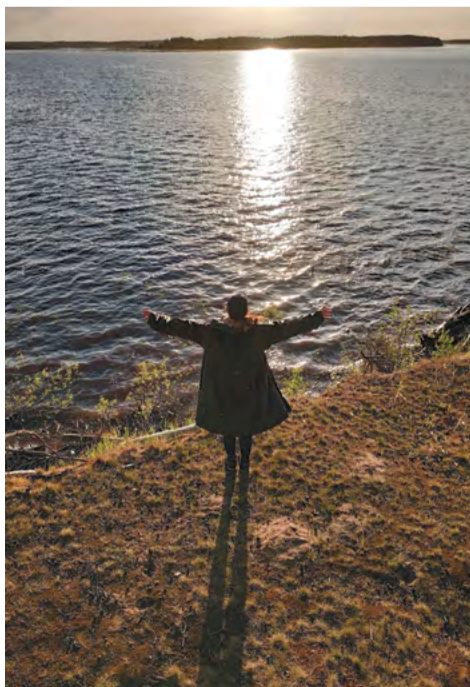
Я точно знаю, какую фотографию я сделала самой первой в «Дарвинском заповеднике». Мой коллега оператор залезает на наблюдательную вышку, заместитель директора заповедника Мирослав Бабушкин стоит внизу, держит камеру. Я еще в лодке, но буквально через пару минут я тоже окажусь наверху. Именно там начнется большая история дружбы программы «Заметки натуралиста» и «Дарвинского заповедника». Эта дружба изменит мои личные взгляды на окружающий мир. Та самая первая фотография была сделана 12 августа 2017 года, напоминают мне социальные сети, и была подписана так:

«В кадре два фаната. Фанаты своего дела. Я обожаю таких людей. Они терпят трудности, бывают недовольны, но остаются на своем месте. Потому что то, чем они занимаются – не работа. Образ жизни. На этой фотографии оператор #канал12 Анатолий Холин и сотрудник #ДарвинскийЗаповедник, орнитолог Мирослав Бабушкин. Спасибо! Я хочу, как вы».

Уже со второго выпуска из заповедника и по сей день «Заметки натуралиста» снимает оператор Сергей Павлов. Бессменный. Творческий. Абсолютно «замечательный!» Спустя почти 6 лет совершенно точно сложилась «замечательная команда», в которой именно Сергею «достаётся» больше всех: и от меня, и от нашего друга (теперь уже соавтора программы) орнитолога заповедника Мирослава Бабушкина. Захватывающих историй со съемок «нашей тройцы» масса. Хотя чаще, конечно, эти истории связаны с нашей с Сергеем патологической неуклюжестью. Я падаю или застреваю, Сергей что-то ломает или теряет – вот обычная зарисовка нашей кадровой жизни. Ну, а Мирослав все это терпит и показывает нам другой мир. В прямом смысле этого слова! Мир, в котором гигантская затопленная территория создала особые природные механизмы. Каждый раз, попадая в заповедник, я чувствую волнение. Мне хочется не просто снять красивые и необычные картинки, а донести до зрителей одну-единственную мысль: человек – часть природы и, даже меняя ее, должен понимать ответственность. Должен! И никак иначе!

В общем, заповедника мы с Сергеем заболели. Скучаем, когда долго не можем вырваться на съемки. Кстати, есть у нас одна нелепая традиция: всегда останавливаться на мосту перед въездом на территорию заповедника, чтобы подышать, настроиться, ну и конечно, сделать фотографию. У Сергея их безусловно больше. Я же – небольшой любитель фотографироваться. Поэтому чаще всего в кадре эти два товарища: кандидат наук и видеохудожник. В качестве доказательства фото и пост из социальной сети от 17 октября 2018 года.

«Кандидаты наук бывают разными. Наш – очень серьезный. А если серьезно... Я уже не раз признавалась этим ребятам в творческой любви. С такой командой и работать, и хотеть удаётся на полную катушку! Скоро в программе #ЗаметкиНатуралиста мы вернёмся в #ДарвинскийЗаповедник после долгой разлуки».

Есть и еще одна заповедная традиция: прогуляться по крутому берегу Рыбинского водохранилища в деревне Борок. Это, как модно сейчас говорить, мое место силы. Объяснить тут сложно, надо видеть, чувствовать...

Полевые будни оператора Сергея Павлова

Смотрю заповедные фото и понимаю, насколько крупно мне повезло! Немногие люди могут похвастаться собственной фотографией, которую сделали из гнезда орлана-белохвоста или скопы. Нас с Сергеем оттуда фотографируют регулярно! Правда добывать эти фотографии бывает немного неудобно. Если Мирослав зовет в заповедник, значит нас ждут зона временного затопления Рыбинского водохранилища или болото. Ни там, ни там красной (желательно асфальтированной) дорожки не оказалось... Поэтому сапоги-броды или рыболовные сапоги-гиганты теперь мои лучшие друзья. Вне времени, всегда в моде!

А вообще, я до жути боюсь болот! Побороть этот страх не могу уже 6 сезонов программы. И как ни странно в этой связи довольно часто случаются комические истории с нелепыми падениями и застреваниями в болотной жиже. Одним словом, без большого посоха, почти как у Деда Мороза, в болото я не хожу. Другое дело зимой! С ветерком на снегоходе хоть в болото, хоть куда! Прохладно, конечно, но что делать. Наука и журналистика требуют жертв. Зимой чаще всего жертвы случаются в виде замороженных конечностей. Смех смехом, но однажды чуть не отморозила ноги... Летом же

другая песня – комары и прочие надоедливые летающие товарищи. Хотя конечно, в природе все имеет смысл, поэтому к атакам жужжащей братии я отношусь философски. Все эти полевые трудности, разумеется, не напрасны. Я в это верю. За годы съемок у программы «Заметки натуралиста» сложилась своя аудитория, которая уже не просто ждет, а зачастую требует новых, именно заповедных историй. Сейчас то самое время, когда я могу точно сказать, что соскучилась по заповеднику. Снова хочу в небольшую экспедицию, снова хочу спать в палатке под жужжание комаров и космически мощное пение птиц. Хочу трястись в лодке на суровых и местами очень жестких волнах Рыбинского водохранилища. Хочу заходить в уютные и спокойные заливы. Снова хочу туда, где своей заповедной жизнью живет затопленный лес. Хочу вернуться на дрейфующие острова-болота. Хочу вновь увидеть гнезда скоп и орланов-белохвостов... До встречи в заповеднике!

P.S. Все выпуски программы «Заметки натуралиста» можно посмотреть на сайте 35media.ru

Фото – В. Кучеренко и М. Бабушкин

Суровые полевые условия скрашиваются такой потрясающей красотой. На пути к дрейфующим торфяным островам

Такими нас видит орлан-белохвост.

Вид на съемочную группу с высоты орляного гнезда

Да-да, эта маленькая желтая лодочка приготовлена для оператора Сергея Павлова. Плавая на ней он снимал процесс движения воды в карстовых воронках Дружинного озера. Весенние наблюдения за лебедями с Мирославом Бабушкиным

– Мы находимся на дне... – говорит Мирослав. О каком дне идёт речь, узнаете в очередном выпуске «Заметок натуралиста» про Дарвинский заповедник

Съемочная группа Заметок на зимнем заповедном болоте

На что только не пойдешь, чтобы снять красивую картинку. Оператор Сергей Павлов за работой